

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

ТИПИЧНЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ ОШИБКИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Т.В. Верниковская

Военная академия Республики Беларусь
ул. Фогеля, Минск, Республика Беларусь, 220057

В данной статье приводится классификация типичных устойчивых ошибок, допускаемых студентами в грамматических формах польского языка, и даются рекомендации по их преодолению. Кроме того, утверждается необходимость разрабатывать не польские, а польско-русские правила по грамматике, основанные на сравнении родного и иностранного языков.

Ключевые слова: речевая ошибка, грамматика, норма, иностранный язык, сопоставительный материал.

Чтобы предупредить появление нежелательных отклонений от нормы, необходимо точно знать, какие ошибки допускают русскоязычные студенты, изучающие польский язык, и почему именно такие. На эти два вопроса (а на самом деле только на первый) стараются отвечать почти исключительно методисты. Но ведь студенты изучают язык и делают речевые ошибки. А значит, на данные вопросы должны отвечать прежде всего лингвисты, которые могут точнее классифицировать ошибки и грамотнее объяснить их происхождение (ср. высказывания Л.В. Щербы о роли методиста и лингвиста в изучении родного и иностранного языков [1. С. 319—325]), причем такую работу нужно вести не только в теоретическом плане, но и на материале конкретных национальных языков.

Все речевые ошибки делятся в научной литературе по качественному и количественному признакам на две большие группы. К первой группе относятся ошибки, допускаемые в результате сбоя в процессе порождения речи, — их исследуют в психолингвистике [2. С. 78—79]. Вторую группу составляют ошибки, в идентификации которых важен количественный признак. Согласно Б.Ф. Воронину, они делятся на типичные и нетипичные, причем типичные ошибки бывают устойчивыми и неустойчивыми. Типичную ошибку Б.Ф. Воронин характеризует через свойственные ей признаки, не давая, по сути дела, этому понятию определения, а устойчивую ошибку определяет как отклонение от нормы, которое сохраняется в речи иностранца в течение нескольких лет обучения [3. С. 3].

Как типичная, так и нетипичная ошибка чаще всего появляется в результате влияния родного языка на иностранный, реже — иностранного языка на родной или одного иностранного языка на другой. На вузовских занятиях по практике речи больше внимания обращается на первую причину. Вторая причина типичных и нетипичных ошибок наиболее важна при изучении теории и практики перевода. Третья причина почти никогда не принимается во внимание преподавателями-полонистами, которые ссылаются на то, что помимо польского языка студенты одной группы учат разные западноевропейские языки и делать выводы в данном случае малоэффективно.

Прежде чем дать определение типичной ошибки, уточним границы нашего предмета исследования: мы будем говорить только о речевых ошибках. Таким образом, исключаются из анализа любые другие недочеты, допускаемые при общении, — в жестах, собственно этикетные и т.п. Под речевой ошибкой мы понимаем в данном случае негативное отклонение от образца; другими словами, речевая ошибка — это такой факт речи, который не соответствует эталону говорящего [4. С. 97—98; 5. С. 33]. При изучении иностранного языка типичной речевой ошибкой будет ненамеренное отклонение от нормы, являющееся наиболее ярким, характерным результатом взаимодействия двух и более языков. (Далее в данной статье термины «ошибка» и «отклонение от нормы» используются как синонимы.)

Итак, объединив дефиниции речевой, типичной и устойчивой ошибок, мы получим точное определение нашего предмета исследования. **Типичная устойчивая ошибка в речи иностранца** — это ненамеренное отклонение от нормы, являющееся наиболее ярким, характерным результатом взаимодействия двух и более языков и сохраняющееся в течение нескольких лет обучения. Отсюда следует важность изучения типичных устойчивых ошибок и необходимость использования результатов исследования при составлении учебных программ и написании учебников.

Основными признаками типичной устойчивой ошибки будут следующие (по Б.Ф. Воронину, с некоторыми нашими уточнениями):

- встречается на протяжении всего начального периода изучения иностранного языка, а если не ведется специальной работы по предупреждению и искоренению этой ошибки, то намного дольше — не менее 2—4 лет;
- свойственна большинству студентов определенной национальной группы;
- хорошо заметна в речи и резко выдает иностранца, потому что подобные речевые ошибки обычно не совершают ни взрослые, ни дети, для которых данный язык является родным [3. С. 3].

Кроме того, исходя из структуры языка, целесообразно различать несколько подвидов типичных устойчивых ошибок. Основными подвидами данной разновидности ошибок в речи русскоязычных студентов, изучающих польский язык, являются:

- грамматические ошибки (под грамматикой в данном случае понимается не весь язык, а только морфология и синтаксис);
- лексические ошибки, например: употребление слов *tylko* и *dopiero*, некоторых межъязыковых омонимов и др.;

— ошибки в использовании устойчивых выражений, например: иногда приветствие *dobroe utro!* может переводиться как *dobry ganek* вместо правильного *dzień dobry*, прощание и пожелание *wsego хорoшего!* ошибочно переводится как *wszystkiego dobrego* вместо *wszystkiego dobrego i do widzenia* и др. (ср. исследование лексических и фразеологических ошибок на материале разных языков в работах [6. С. 194—206; 7. С. 65—66, 83—97]).

В данной статье мы рассмотрим только первый подвид — отклонения от грамматических норм. На наш взгляд, в речи русскоязычных студентов, изучающих польский язык как иностранный, можно выделить пять типичных устойчивых грамматических ошибок. Они подходят под определение, и для них в полной мере характерны названные признаки.

1. Допускается ошибка в выборе окончания для формы винительного падежа единственного числа существительных женского рода. Например, во фразе типа *Mam książkę* (У меня есть книга) вместо правильного окончания встречаются разные отклонения от нормы: **Mam książku*, **Mam książką*.

Основной причиной, вызывающей данную ошибку, оказывается «необычность» окончания *-ę* для русскоязычного студента. Хорошо известно, что польский язык — единственный славянский язык, сохранивший носовые гласные, которые являются речевой экзотикой для любого человека, говорящего на другом славянском языке. К тому же окончание винительного падежа *-ę* (наряду с флексией творительного падежа *-ą*) заметно выделяется во всей парадигме существительных женского рода, так как остальные окончания похожи на окончания соответствующих русских существительных. Поэтому, если образованию формы винительного падежа не уделяется особого внимания, в речи студентов происходит так называемое выравнивание по аналогии: большинство окончаний польского и русского существительных женского рода совпадает, а значит, и флексии винительного падежа единственного числа тоже могли бы быть одинаковыми. Таким образом появляются ошибочные формы **Czytam gazetę* (Я читаю газету), **Kocham Danutę* (Я люблю Дануту), **Kupuję szynkę* (Я покупаю ветчину) и т.п.

Реже в данной форме встречается ошибочное окончание *-ą*, характерное для творительного падежа. Это происходит не случайно. Во-первых, появляется не любая гласная, а также носовая. Во-вторых, исторически сложилось так, что нет точного соответствия между польскими носовыми гласными и русскими гласными *я, у*, развившимися из праславянских носовых. А точнее, это соответствие весьма сложное, оно обусловлено не столько гласным, сколько предшествующим твердым или мягким согласным, ср.: пол. *ę, ą* — русск. *у* (*nędza* — нужда, *mała* — мука) и пол. *'ę, 'ą* — русск. *я* (*mięso* — мясо, *piąty* — пятый). По этой причине русскоязычные говорящие могут легко «перепутать» носовые (такое, кстати, наблюдается и на примере других грамматических форм). В-третьих, окончание *-ą* используется в форме женского рода винительного падежа единственного числа прилагательных, что нередко оказывается основанием для синтагматической (линейной) ошибки типа **Mam wielką książką* (У меня есть большая книга).

Возникает вопрос, почему же образование формы творительного падежа единственного числа от существительных женского рода не попадает в разряд

типичных устойчивых ошибок, там ведь тоже используется непривычная для русского уха носовая гласная. Заметим, что русскоязычные студенты часто заменяют творительный падеж именительным (например: *Jestem studentka* (Я студентка) → **Jestem studentka*), однако редко выбирают иную флексию, присваивая ей значение творительного падежа. Этому способствует фонетическая близость польского и русского аффиксов, ср.: пол. *oⁿ* — русск. *ой*. Гласный элемент окончаний является одинаковым, поэтому ошибиться, выбрав другой носовой, оказывается практически невозможно.

Чтобы студенты не совершали указанной ошибки в винительном падеже, нужно лишить их возможности неосознанно сопоставлять парадигмы склонения польского и русского существительных женского рода. Они так или иначе будут сравнивать родной и иностранный языки, поэтому важно сделать это сознательно и лингвистически и психологически грамотно. Для этого необходимо проанализировать всю парадигму склонения польского и русского существительных, специально выделив при этом форму винительного падежа единственного числа, и наглядно на примерах показать отличие данной польской формы от русской (лучше, если студенты самостоятельно придут к необходимому выводу). Несколько упражнений должны быть посвящены образованию форм только винительного падежа, причем эффективнее одновременно работать с существительными и прилагательными в рамках глагольного словосочетания или простого предложения. Кроме того, предупредить появление данной ошибки можно уже на первых занятиях по польскому языку, на которых обычно изучают вводно-фонетический курс. Объясняя особенности произношения *ę* в конце слова, нужно отметить, что *ę* чаще всего встречается в конце двух словоформ: существительных женского рода в винительном падеже единственном числе и глаголов I, II спряжения в 1-м лице единственного числа. Таким образом, студенты усвоят проблемную флексию, опознавая ее с первых занятий и исследуя ее с разных сторон: с точки зрения польской фонетики и сопоставительной грамматики славянских языков.

2. Не используются личные окончания в глагольных формах 1-го и 2-го лица прошедшего времени. Например, вместо *Basiu, przeczytałaś artykuł?* (Бася, ты прочитала статью?), *Ja i Wiktor byliśmy nad jeziorem* (Я и Виктор были на озере) от русскоязычных говорящих нередко можно услышать фразы с ошибочными формами, например: **Basiu, przeczytała artykuł?*, **Ja i Wiktor byli nad jeziorem*.

Прежде всего вспомним, чем именно и почему различаются формы прошедшего времени в польском и русском языках. В обоих языках прошедшее время образовалось из сочетания «элевого» причастия (пол. *czytał*, русск. *читал*) с глаголом-связкой *бу́с/быть* в форме настоящего времени. Однако в русских текстах связка *быть* вскоре перестает употребляться в форме настоящего времени, и в перфекте вместо *читаль есмь* начинают говорить *читаль*. В польской же речи связка *бу́с* используется регулярно и в наши дни. И даже в прошедшем времени она не исчезла бесследно, а в стяженном виде присоединилась в качестве окончания к основному глаголу (этому способствовала постпозиция безударной связки). В польской форме до сих пор жива память об ее истории образования: бывшая связка оказывается подвижным окончанием и может употребляться в отрыве от глагола (ср.: *Wczorajśmy byli nad jeziorem, Dawnoś przeczytała artykuł?*).

Ошибка в окончании прошедшего времени появляется в речи студентов во многом под влиянием грамматики русского языка. Но есть и другие серьезные причины рассматриваемого отклонения от нормы, которые можно было бы нейтрализовать.

Прошедшее время часто используется в устной и письменной речи. Однако студенты изучают его довольно поздно — после настоящего времени и склонения существительных и прилагательных, т.е., как правило, через полгода с момента начала занятий. Позднее знакомство со способом образования прошедшего времени и служит основной причиной того, что данная ошибка попадает в разряд типичных. Устойчивой такая ошибка становится, как ни странно, после изучения правила. Связано данное явление с подбором учебного материала: в это время студенты, пересказывая тексты или составляя собственные рассказы, используют преимущественно глаголы в 3-м лице. Изредка попадают глагольные формы 1-го и 2-го лица (со специфическими польскими окончаниями, указывающими на лицо), и тут неизбежно появляется ошибка, которую говорящие обычно не замечают и самостоятельно не могут исправить. К тому же данная ошибка оказывается настолько «взедливой», что искоренить ее на этом этапе изучения языка крайне сложно: даже если студенты получают задание пересказать текст от 1-го лица, обращая особое внимание на использование личных окончаний глаголов, то и в таком случае они все равно делают ошибки. И хотя в первом семестре «проходить» прошедшее время вряд ли рационально, все же предупредить появление подобного отклонения от нормы представляется возможным.

Чтобы избежать возникновения в речи студентов типичной устойчивой ошибки, начинать знакомиться с «проблемной» темой нужно задолго до ее подробного изучения. В данном случае обратить внимание на личные окончания глаголов в прошедшем времени следует уже в вводно-фонетическом курсе, рассматривая особенности ударения в польских словах. Кроме того, нужно дать студентам возможность употреблять в речи прошедшее время в первые месяцы постижения польского языка. Для этого достаточно знать спряжение в прошедшем времени глагола *być*, по образцу которого спрягаются многие другие глаголы, необходимые для простого рассказа о себе и своих друзьях, например, *mieszkałiśmy* (мы жили), *urodziłem się* (я родился), *chodziliście* (вы ходили), *znałaś* (ты знала) и т.п. О чередованиях же гласных в основе глагола и прочих трудных вопросах можно рассказать и значительно позже. И наконец, после изучения данного правила полезным окажется периодически выполнять задания по пересказу текстов от 1-го лица. Если все необходимые предупреждающие меры будут соблюдены, то ошибка в использовании личных глагольных окончаний в форме прошедшего времени не превратится в типичную устойчивую. Иногда появляясь в речи, она будет восприниматься всего лишь как оговорка, а со временем совсем искорениться.

3. Неправильно образуется форма сослагательного наклонения. Речь идет о порядке употребления конечных аффиксов в данной форме. Вместо единственно верной последовательности **Chciałabym** *znać* *język* *grecki* (Я хотела бы знать греческий язык) студентами часто используется иной — ошибочный — порядок ***Chciałam** *by* *znać* *język* *grecki*.

Очевидно, что названная ошибка допускается в речи, с одной стороны, под влиянием русского языка, в котором частица *бы* пишется с глаголом раздельно, а с другой стороны, под влиянием польских форм прошедшего времени, которые отличаются от форм сослагательного наклонения лишь частицей *by*. Широкому распространению данной ошибки способствует то, что сослагательным наклонением мы пользуемся относительно редко, и поэтому оно изучается в конце курса практической грамматики. Но время от времени возникают ситуации, требующие употребить это наклонение. Так укореняется грубая ошибка. Избавиться от нее невероятно трудно прежде всего из-за редкого использования данных форм.

Однако предупредить появление подобной ошибки легко. Для этого нужно познакомиться с формами сослагательного наклонения заранее — на вводно-фонетическом курсе, когда речь будет идти об особенностях польского ударения. Позже, изучая коммуникативные темы «За столом», «В магазине» и т.п., необходимо научиться спрягать в сослагательном наклонении всего лишь один глагол *chcieć*. По правилам речевого этикета лучше говорить не *Chcę czekoladę* (Я хочу шоколад), а *Chciałabym czekoladę* (Я хотела бы шоколад). Поэтому уже на ранней стадии постижения польского языка важно знать спряжение глагола *chcieć* и в настоящем времени, и в сослагательном наклонении. В дальнейшем, как показывает наш опыт, студенты не будут испытывать никаких трудностей в образовании форм сослагательного наклонения от любых других глаголов.

4. В текстах на русском языке при переводе с польского опускаются личные местоимения, выполняющие функцию субъекта действия. Например, высказывание *Mieszkam w dużym domu* переводится как **Живу в большом доме*. Конечно, иногда нужно перевести польскую фразу подобным образом, однако чаще всего в русском тексте личные местоимения используются обязательно. Данное отклонение от нормы является единственной типичной устойчивой ошибкой, совершаемой русскоязычными говорящими в родной речи под влиянием польского текста.

Назовем две причины широкого распространения такой ошибки: одна из них — собственно лингвистическая, другая — методическая. Во-первых, личные местоимения опускаются в переводном тексте, потому что они одинаково или почти одинаково звучат и по-русски, и по-польски (ср.: *ja* — *я*, *ty* — *ты*, *ona* — *она*, *my* — *мы* и т.д.), по этой причине пропуск польского местоимения в оригинальном тексте провоцирует неиспользование соответствующего местоимения и в русской речи. К тому же учебный перевод отличается от художественного тем, что в нем переводной текст всегда сосуществует с оригинальным, поэтому и студенту, и преподавателю так или иначе понятно, о ком идет речь. Во-вторых, данная ошибка оказывается типичной устойчивой, так как многие преподаватели-полонисты не требуют от студентов дословного перевода, ограничиваясь лишь близким по смыслу пересказом. Такой вид работы возможен при обучении славян английскому, немецкому, французскому и другим менее прозрачным языкам. Но если славяне изучают иностранный славянский язык, то перевод текста чаще всего должен быть дословным (это, кстати, поможет избежать и «ловушек» многочисленных межъязыковых омонимов). Приблизительный перевод приучает уга-

дывать содержание текста, что не представляет для славянина никакой трудности и лишает текст обучающей задачи. При таком подходе к учебному материалу пропуск в русском высказывании личного местоимения не воспринимается учащимися как отклонение от нормы.

Чтобы данная ошибка не превратилась в устойчивую, преподавателю следует объяснить студентам на одном из первых занятий, что в польском предложении личные местоимения 1-го и 2-го лица, как правило, опускаются, но при письменном или устном переводе текста на русский язык они непременно должны восстанавливаться, так как использование личных местоимений является нормой русской речи. Такое замечание наглядно покажет студентам разницу в употреблении двух родственных языков и будет способствовать воспитанию культуры речи.

5. В русском высказывании при переводе текста с польского языка используется глагол *иметь* вместо *быть*. Например, польская фраза *Mam siostrę* должна переводиться на русский язык предложением *У меня есть сестра*, которое в речи русскоязычных студентов часто заменяется неправильной конструкцией **Я имею сестру*.

Эта ошибка вызвана дословным переводом и кроме того обусловлена экономией речевых усилий, т.е. нежеланием перестраивать всю синтаксическую конструкцию (ср.: *Я* (им. п.) *имею сестру* (вин. п.) и *У меня* (род. п.) *есть сестра* (им. п.)). Кроме того, на выбор говорящим глагола *иметь* влияют другие иностранные языки, которые он в той или иной мере знает; ведь во многих западноевропейских языках данный глагол употребляется так же широко, как и в польском. Поэтому, чуть ослабив контроль за своей речевой деятельностью, студент может выбрать ошибочную, но наиболее распространенную в изучаемых им языках синтаксическую модель и заполнить ее русскими лексемами (об особенностях перевода конструкций с глаголом *mieć* [1. С. 60—62]).

Чтобы сформировать навык правильного перевода данного вида предложений, нужно объяснить студентам особенности использования высказываний с глаголами *иметь* и *быть* в разных языках и предложить им потренироваться переводить подобные конструкции в специальном упражнении.

В заключение подчеркнем, что не бывает случайных ошибок: все ошибки совершаются по определенным правилам [4. С. 20—21]. А для иностранного языка эти правила оказываются еще сложнее и разнообразнее, чем для родного, так как здесь речевой деятельности говорящего мешает интерференция. Вспомним слова проницательного русского лингвиста Л.В. Щербы, который утверждал: «...мы должны признать раз навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. А потому мы должны из врага превратить его в друга. И это очень легко сделать: надо только осознать все те случаи, когда он вводит нас в искушение, и создать правила не только английские, французские, немецкие и т.п., но и русско-английские, русско-французские, русско-немецкие и т.п.» [9. С. 343]. Таким образом, у нас должна получиться совершенно новая не польская, а русско-польская грамматика, построенная на сопоставительном материале (ср. грамматику русского языка для польскоязычных студентов [11]). Сравнение языков не обязательно должно быть

эксплицитно представлено в учебнике или учебном пособии, но имплицитное сопоставление непременно должно присутствовать, так как взгляд на иностранный язык сквозь призму родного изменяет сам отбор учебного материала, и учебник по грамматике польского языка будет заметно отличаться для говорящих на русском, польском, французском или японском языке. Об этом свидетельствует и изучение типичных устойчивых ошибок в речи студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Щерба Л.В.* Методика преподавания иностранных языков как наука // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — М.: URSS; КомКнига, 2007.
- [2] *Леонтьев А.А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (Психолингвистические очерки). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
- [3] *Воронин Б.Ф.* Типичная устойчивая ошибка в речи иностранца и методика обучения русскому языку. — М., 1967.
- [4] *Красиков Ю.В.* Теория речевых ошибок (На материале ошибок наборщика). — М.: Наука, 1980.
- [5] *Pisarek W.* Błąd językowy // Encyklopedia języka polskiego / Pod red. S. Urbańczyka. — Ossolineum, 1992.
- [6] *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. — М.: Высшая школа, 1986.
- [7] *Гуннемарк Э.В.* Искусство изучать языки / Пер. со швед. Д.Л. Спивака. — СПб.: ТЕССА, 2002.
- [8] *Верниковская Т.В.* Семантика польского предложения (Типовая ситуация с адресатным значением). — Минск: АПИ, 2001.
- [9] *Wójcik T.* Gramatyka języka rosyjskiego: Studium kontrastywne. — Warszawa: PWN, 1975.

COMMON SOLID ERRORS MADE BY STUDENTS IN SPEECH IN THEIR POLISH CLASSES

T.V. Vernikovskaya

Belarusian Military Academy
Fohel str., Minsk, 220057

It deals with a classification of common solid errors made by students in grammar constructions of the Polish language and it provides the information that learners need to correct their grammar errors. Moreover, it states the necessity to work out not Polish but Polish and Russian grammar rules based on the comparison between the mother tongue and a foreign language.

Key words: verbal error, grammar, standard, foreign language, comparative material.